

В. Н. Топоров

Исследования
ПО ЭТИМОЛОГИИ
И СЕМАНТИКЕ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2010

В. Н. Топоров

Том 4

Балтийские
и славянские
ЯЗЫКИ

Книга 2

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2010

УДК 811
ББК 81.2
Т 58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 07-04-16120

Топоров В. Н.

Т 58 Исследования по этимологии и семантике. Т. 4: Балтийские и славянские языки. Кн. 2. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. — 512 с. — (Opera etymologica. Звук и смысл).

ISBN 978-5-9551-0442-3

Настоящий том состоит из трех книг и включает исследования по балтийским и славянским языкам с доисторических времен до наших дней. На основе сравнительно-исторического и этимологического анализа раскрывается широкая картина мифологических, религиозных и бытовых воззрений балтийских и славянских народов в их генетической связи с духовной культурой древних индоевропейцев. Много внимания уделяется межэтническим контактам балтов и славян друг с другом и с сопредельными народами. Ряд статей посвящен происхождению отдельных слов и выражений в древних и новых языках.

ББК 81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0442-3

© В. Н. Топоров (наследники), 2010
© Рукописные памятники Древней Руси, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Балтийские этимологии

Балтийские языки.....	7
Заметки по прусской этимологии.....	58
Две заметки из области балтийской топонимии (этимологический аспект).....	69
Исследования по балтийской этимологии (1957—1961).....	82
Заметки по балтийской мифологии.....	97
Об одном локальном варианте основного мифа (<i>Dieveniškės</i>).....	123
Лит. <i>dañdaras</i> , лтш. <i>dañdala</i> и друг.	127
Lit. <i>urà</i> , lett. <i>ir</i> und ihre Vergangenheit im Lichte der Geschichte und der linguistischen Typologie.....	132
О некоторых аспектах реконструкции в сравнительно- историческом исследовании балтийских языков (1—2).....	146
К реконструкции прусских метрических текстов.....	165
<i>Vilnius</i> , <i>Wilno</i> , <i>Вильна</i> : город и миф.....	170
К объяснению нескольких «культурных» слов в прусском.....	240
Категории времени и пространства и балтийское языкознание.....	259
Прусс. <i>reddi</i> и под. как семантическая проблема.....	265
О специфике балт. <i>*lai</i> и его индоевропейских параллелях: на стыке морфологии и синтаксиса.....	271
От реконструкции старопрусского к рекреации новопрусского.....	293
К реконструкции одного цикла архаичных мифопоэтических представлений в свете « <i>Latvju dainas</i> » (К 150-летию со дня рождения Кр. Барона).....	326
Заметки о латышских мифологических именах.....	362

К реконструкции одного балтийского ритуального термина	386
Варпулис как ипостась Перкунаса (Из заметок по балтийской мифологии)	398
Об одной топонимической катастрофе	413
Из новой литературы по балтистике	422
К выходу в свет большого «Словаря литовского языка».....	444
Еще раз о неврах и селах в общепалтийском этноязыковом контексте (народ, земля, язык, имя). Из истории и.-евр. <i>*neur-</i> : <i>*nour-</i> и <i>*sel-</i> (неумирающая память об одном балтийском племени)	452
Первые публикации статей	506

БАЛТИЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Балтийские языки (Б.я.), составляющие особую ветвь индоевропейской языковой семьи, свое современное название (литов. *baltų kalbos*, латыш. *baltu valodas*, рус. *балтийские языки*, нем. *baltische Sprachen*, фр. *langues baltiques*, англ. *Baltic languages*), ставшее в настоящее время основным и практически единственным обозначением этой группы языков, получили только в середине XIX в. (Ф. Нессельман, 1845); данное название имеет своим источником название соответствующего моря, впервые упомянутое в XI в. немецким хронистом Адамом Бременским (*mare Balticum*). Существует также мнение, что это название могло происходить от названия о-ва *Balčia*, упоминаемого Плинием Старшим в его «*Historia naturalis*». Несмотря на позднее, сугубо «ученое» и, следовательно, условное происхождение этого названия, своими корнями оно уходит в балтийскую и индоевропейскую эпоху и является важнейшим историко-лингвистическим индексом. Корнем **balt-* (литов. *báltas*, латыш. *bal̃ts*¹ ‘белый’ и прусские топонимы с элементом *balt-*, обозначавшим болото, стоячие воды; использование *balt-* в восточнобалтийских языках для цветообозначения вторично) первоначально обозначалась, видимо, отрезанная замкнутая часть моря, гафф (нем. *Haff*), которую равно можно соотнести с Куршским заливом или закрытой частью Гданьского залива. Если это так, то данный элемент **balt-* оказывается связан с другими «болотными» обозначениями, тянущимися полосой от южного побережья Балтийского моря до Средиземноморья (прус. **balt-*, слав. **bolto*, иллир. *balt-*, ср. укр. *балта*, *балда*, *балтіна* ‘жидкая грязь’ и соответствующие гидронимы и топонимы, алб. *baltë*, н.-греч. *βάλτος*, сев.-итал. *palta*, *pauta* и т. д.).

До возникновения и утверждения названия «балтийские языки» (иногда и несколько позже) пользовались такими обозначениями этих языков, как «леттские» или «летто-литовские», нем. *lettische Sprachen*, лат. *linguae letticae*

и т. п. В литературе Б. я. иногда обозначаются как «айстийские» (литов. *aisčių kalbos* у К. Буги и др.), по имени племени айстиев (эстиев), впервые упомянутых еще Тацитом (I в.), — лат. *Aesti, Aestiorum gentes* ‘племена айстиев’, который локализовал их на морском побережье (литов. *Áis(t)marės*, т. е. ‘море айстиев’); айстии-эстии упоминаются и рядом более поздних источников, хотя далеко не всегда ясна их балтийская принадлежность.

2. В настоящее время в состав Б. я. входят литовский (с двумя основными диалектами — жемайтским и аукштайтским, включающим дзук(ий) -ские говоры на юго-востоке Литвы), латышский (с ливонским, средне-латышским и верхнелатышским диалектами) и латгальский (на основе «глубоких» говоров Латгалии и восточной части Земгале) языки. О более точном соотношении латышских и латгальских говоров в Восточной Латвии, как и о языковой ситуации в этом ареале, см. в статьях «Латгальский язык» и «Латышский язык» в наст. издании. Во всяком случае есть веские основания — и чисто языковые, и социолингвистические, и культурно-исторические, чтобы считать латгальский особым языком — тем более в свете тех общих изменений, которые имели место на рубеже 80–90-х гг. XX в. Б. я. распространены сейчас на компактной и сплошной территории (метрополия). Литовский язык преобладает на всей территории Литвы, кроме некоторых районов на востоке и юго-востоке, непрерывный ареал литовского языка в пределах Литвы имеет свое продолжение в северо-восточной части Польши (Сувалкия). К северу от области распространения литовского языка локализуется латышский язык, преобладающий на значительной территории Латвии, исключая ее восточные окраины. Однако степень преобладания латышского языка на территории Латвии или даже его концентрированности очень разная в разных районах; в частности, в ряде крупных городов значителен процент русскоговорящих и билингов. Остатки литовской, латышской и латгальской речи, входившей раньше в сплошной балтийский ареал, сохраняются в виде островных говоров северной Белоруссии и южной Латвии (литовский язык) и северо-восточной Белоруссии (латышский язык в отдельных местах Витебской области). На литовском и латышском языках говорят также литовцы и латыши, живущие в Северной и Южной Америке, Австралии, Швеции, Германии и некоторых других странах.

Общий состав Б. я. (диалектов), включая мертвые, может быть охарактеризован следующим образом. Периферийные балтийские диалекты (в I тыс. н. э., а для некоторых звеньев этого внешнего пояса и позже): прусский (см. статью «Прусский язык» в наст. издании), ятвяжский (судавский, судинский), куршский (при членении на западно- и восточнобалтийскую группы куршский обычно относят к последней, хотя высказывается мнение о первоначальной принадлежности куршского языка к западнобалтийским языкам), га-

линдский (голядский). Диалекты центральной зоны: литовский, латышский (латгальский), земгальский, селийский (селонский). Все диалекты (языки), принадлежащие к балтийской периферии, а также селийский и земгальский принадлежат к числу вымерших, хотя ряд их особенностей более или менее очевидно сохраняется в суперстратных балтийских говорах (особенно в ятвяжском, куршском и селийском ареалах). Не только нельзя исключать существования в прошлом некоторых других неизвестных нам балтийских диалектов, но, напротив, есть все основания думать, что, во-первых, они действительно существовали и, во-вторых, что известные по названию диалекты (например галиндский) могли покрывать одним названием ряд диалектов. Сведения о Б. я. (диалектах), которым в данном издании не посвящены отдельные статьи, см. в разделе 4.

История изучения Б. я. берет свое начало в XVII в., когда появляются первые опыты описания грамматики и лексики Б. я., — труды Д. Клейна (1653, 1654); Т. Г. Шульца (1673, 1678) — по литовскому языку; Г. Манцеля (1638), И. Рехехузена (1644), Х. Адольфи (фактически — Х. Фюрекера) (1685), Г. Дресселя (1685, 1688), Я. Лангия (1685), Г. Эльгера (1683) — по латышскому языку. В течение последующих 150–200 лет появился целый ряд пособий и руководств, создавших устойчивую традицию описания Б. я., ориентирующегося на практические цели. Среди этих трудов грамматики и словари Ф. В. Хаака (1730), анонимного автора (1737), П. Ф. Руига (1747), Г. Остермейера (1791), Х. Г. Мильке (1800), С. Т. Станевича (1829), К. Коссаковского (1832) и др. — литовский язык; Л. Депкина (1704, 1705), анонимного автора (1732), Г. Ф. Стендера (1761, 1783, 1789), Я. Ланге (1777), К. Хардера (1790, 1809), О. Б. Розенбергера (1808, 1830, 1843, 1848, 1852), М. Акелевича (1817), А. Веллига (1828), Г. Хессельберга (1841) и др. — латышский язык. Возникновение сравнительно-исторического языкознания и его быстрое развитие привлекли внимание к Б. я. ряда видных индоевропейцев, усилия которых были сосредоточены на сравнительно-исторической интерпретации фактов Б. я. и на попытках более точного определения места Б. я. среди других индоевропейских. После первых в этой области опытов Р. К. Раска, Ф. Боппа, А. Ф. Потта и др. появляются сыгравшие значительную роль и лучшие для своего времени труды А. Шлейхера (1856) и А. Биленштейна (1863, 1864, 1866), в которых обстоятельное и достаточно точное описание литовского и латышского языков сочеталось с элементами сравнительно-исторического анализа. В последующие десятилетия это направление, связанное с исследованием Б. я. с точки зрения индоевропейского языкознания, стало господствующим (Й. Шмидт, Ф. Нессельман, А. Лескин, А. Бещенбергер, Л. Гейтлер, Э. Бернекер, Ф. Фортунатов, Г. Ульянов, В. Поржезинский, О. Видеман, Н. ван Вейк, Й. Зубатый, Й. Ю. Миккола

и др.), хотя время от времени появлялись ценные труды, в которых главной целью было описание языка (в частности, и его лексики) с синхронной точки зрения: Ф. Нессельман (1851), Ф. Куршат (1870—1874, 1876, 1883), А. Юшкевич (1904 и след.), К. Явнис (1916) — по литовскому; К. Х. Ульман (1872) и прежде всего замечательный словарь К. Мюленбаха, с дополнениями Я. Эндзелина (1923—1946) — по латышскому; Ф. Нессельман (1873), Р. Траутман (1910) и др. — по прусскому. С начала XX в. ведущей фигурой в балтийском языкознании стал Я. Эндзелин, внесший исключительный вклад в изучение Б. я. в самых различных аспектах (грамматики латышского и прусского языков, работы по истории и диалектологии, акцентологии, лексике и этимологии, куршскому языку, сравнительной грамматике Б. я., балто-славянским языковым отношениям, топонимике, балто-финским контактам и т. п.). Весьма велик вклад в балтийское языкознание рано скончавшегося К. Буги (изучение литовского языка и вымерших балтийских диалектов, лексикография, этимология, топономастика, праистория балтов и их языка и т. п.). Среди ученых, много потрудившихся над изучением Б. я. в XX в., следует назвать Р. Траутмана (описание прусского языка, его ономастики, опыт создания балто-славянского словаря), Г. Геруллуса (Ю. Герулиса) (прусская топонимия, литовская диалектология, вымершие Б. я.), Э. Френкеля (этимологический словарь литовского языка, синтаксис литовского языка, введение в изучение Б. я. и т. п.), Ф. Шпехта, Х. Педерсена, М. Фасмера, Т. Торбьёрнсона, Э. Хермана, Й. Ю. Микколы, Н. ван Вейка, Р. Экблома, М. Нидермана, Л. Ельмслева, Я. Розвадовского, Я. Сафаревича, В. Пизани, Хр. С. Станга (первая сравнительно-историческая грамматика Б. я., первая монография, посвященная первой печатной книге на литовском языке и др.), Э. В. К. Ниеминена, Е. Куриловича, Я. Отрембского, П. Арумаа, А. Зенна, П. Скарджюса, А. Салиса, Й. Бальчикониса, П. Йоникаса, Й. Круопаса, А. Абеле, Ю. Плакиса, А. Аугсткалнса, Э. Блесе, П. Шмитса, Э. Хаузенберги-Штурмы, К. О. Фалька и др. В последние полвека балтистика становится дисциплиной широкого охвата. В ней работают многие десятки квалифицированных специалистов. Ее преподают во многих университетах разных стран Европы, Америки, Австралии; периодически устраиваются конгрессы и конференции. Выходит около десятка журналов и ежегодников по балтистике.

В этот период (с 60-х гг. XX в.) появляются этимологические словари Б. я.: литовского (Э. Френкель), латышского (К. Карулис), прусского (В. Мажюлис и, частично, В. Н. Топоров), закончилось уникальное для балтийской лексикографии многотомное издание «Словаря литовского языка», создаются диалектные атласы и диалектные словари, выходят грамматики Б. я. академического типа. Среди тех, чей вклад заслуживает внимания, —

прежде всего З. Зинкявичюс, автор многотомной истории литовского языка, одновременно являющейся и лучшим введением в предысторию Б. я., фундаментального и оригинального по своим выводам труда по литовской диалектологии и многих других исследований основополагающего значения; В. Мажюлис, автор четырехтомного этимологического словаря прусского языка и ряда важных работ по сравнительно-историческому исследованию Б. я.; А. Ванагас, автор, так много сделавший для исследования балтийской гидронимии, литовской ономастики, финноязычных заимствований в литовском языке; Й. Казлаускас, автор первой истории литовского языка; Й. Палёнис, внесший большой вклад в изучение истории литовского литературного языка; В. Амбразас, проницательный исследователь литовского синтаксиса. Среди многих других лингвистов-балтистов, чьи имена определяли уровень балтистики во второй половине XX в. и в начале XXI в., — автор введения в балтийскую филологию Й. Кабялка, а также К. Ульвидас, В. Гринавецкис и Е. Гринавецкене, Э. Генюшене, В. Урбутис, С. Каралюнас, А. Сабаляускас, К. Моркунас, А. Видугирис, Т. Бух, А. Росинас, В. Виткаускас, А. Йонайтите, В. Дротивинас, К. Кузавинис, А. Гирдянис, Б. Стунджа, Л. Палмайтис, Д. Урбас, В. Чекмонас, Ю. Пикчилингис, Й. Паулаускас, А. Паулаускене, Р. Венцкуте, Г. Субачюс, С. Амбразас, А. Хольфут и др. в Литве. Среди балтистов-леттонистов нужно отметить таких видных исследователей, как Б. Егерс, А. Гатерс, Р. Грабис, А. Озолс, К. Анцитис, Д. Земзаре, В. Дамбе, Э. Шмите, Р. Грисле, А. Рекена, М. Лепика, А. Лауа, М. Бренце, В. Зепс, В. Руке-Дравиня, К. Дравиньш, А. Бергмане, М. Сауле-Слейне, М. Рудзите, А. Блинкена, К. Карулис, Т. Порите, В. Сталтмане, Э. Кагайне, С. Раге, Б. Лаумане, А. Брейдак, О. Бушс, Д. Нитиня, Э. Сойда и др. Из балтистов России следует упомянуть В. М. Иллича-Свитыча, В. А. Дыбо, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, Ю. С. Степанова, О. Н. Трубачева, Т. В. Булыгину (Шмелеву), Ю. Лаучюте, Ю. В. Откупщикова, Т. М. Судник и др.; в Польше — Х. Гурновича, В. Смочиньского, М. Хасюка, В. Маньчака, Л. Беднарчука и др.; на Украине — А. П. Непокупного; в Германии — В. Фалькенхана, В. П. Шмида, Ф. Шольца, Э. Хофманна, Р. Экерта, Й. Ранге, А. Баммесбергера, Г. Бензе, В. Р. Брауэра, М. Букша, И. Пляцинского и др.; в Чехии — В. Махека, П. Троста, А. Эрхарта, Л. Ржехачека; в Словении — Ф. Безлая; в Хорватии — Д. Брозовича; в Болгарии — И. Дуриданова; в Италии — П. У. Дини, Г. Микелини и др.; во Франции — А. Вайяна и Р. Шмиттлейна; в Великобритании — У. Мэтьюза; в Швеции — В. Руке-Дравиню, К. Дравиньша; в Норвегии — Т. Матиасена; в Исландии — Ё. Хильмарссона; в Швейцарии — Я. П. Лохера; в Голландии — Ф. Кортландта, Р. Дерксена; в США — У. Р. Шмальштига (Смолстига), С. Янга; в Японии — Икуо Мурата и Тошиказу Иноуе.

Основная работа по Б. я. ведется в странах Балтии в академических университетах по изучению соответствующих языков, в университетах Вильнюса, Каунаса, Клайпеды, Шяуляя, Риги, Лиепай, Даугавпилса и др., но также и в целом ряде университетов Западной Европы, Америки (Чикаго и др.), Австралии. В России относительно непрерывная традиция изучения Б. я. берет начало в 60—70-е гг. XIX в. Б. я. изучались в Московском и Ленинградском государственных университетах. С середины 50-х гг. XX в. центром научного изучения Б. я. стал Институт славяноведения Академии наук (с 1991 г. — Российской академии наук). В 1999 г. учреждено отделение Б. я. в Санкт-Петербургском университете.

3. Общее число говорящих на Б. я. в мире приближается к 5 млн. чел. Согласно данным последних переписей по-латышски говорит свыше 1,5 млн. чел. (из них в Латвии — 1381 тыс. чел., перепись 2000 г.); по-литовски — свыше 3,3 млн. чел. (из них в Литве — 2 856 тыс. чел., перепись 2000 г.). Латыши составляют в Латвии 57,7% населения, в качестве родного его назвали 58,1%. Литовцы в Литве составляют 83%; знают же литовский в качестве первого или второго языка 92% населения. Латышский язык и литовский язык имеют статус государственных языков в соответствующих странах. Данные о численности говорящих на латгальском языке в точности неизвестны и включены в данные о численности говорящих на латышском, поскольку латгальский не имеет статуса государственного языка.

4. В основе выделения Б. я. в особую группу лежит принцип генеалогической классификации. Все известные Б. я., с одной стороны, генетически выводятся из одной и той же группы говоров древнего индоевропейского диалектного континуума (что удостоверяется системой сравнительно-исторических соответствий, связывающих Б. я. с другими группами индоевропейских языков и с реконструируемым исходным индоевропейским состоянием), а с другой стороны, объединяются между собой в некое относительное единство, которое достаточно четко отличается от других групп индоевропейских языков, даже наиболее близких к балтийским (как славянская). Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков бросает свет на происхождение Б. я. и на степень близости их к исходному индоевропейскому состоянию. Сравнительно-историческая грамматика Б. я. позволяет понять многие особенности их исторического существования и определить степень их внутреннего единства. Это исторически сложившееся единство Б. я. обусловлено их общим происхождением и общими, или очень близкими, условиями существования — как правило, в пределах двуединого (хотя и со временем смещающегося) ареала, т. е. собственно балтийского локуса и отпадающего от него и славизирующегося пространства. Единство Б. я. проявляется также в весьма высокой степени структурного сходства между известными Б. я. (пре-

жде всего литовским, латгальским и латышским) и наличии весьма значительного общего словарного фонда. Благодаря этим особенностям облегчается установление правил пересчета с одного языка на другой в случае языковых контактов (хотя бы частичных) носителей литовского и латышского языков. А сама возможность этих контактов, реализуемая нередко и практически, порождает сознание близости Б. я., присущее литовцам и латышам. Подобное сознание языковой близости может рассматриваться как психологическое и практическое подтверждение единства балтийского языкового типа с точки зрения их современного (синхронного) состояния.

Индоевропейский характер Б. я. не вызывает сомнения, и эта черта отличается особой наглядностью. Не случайно уже в период с конца XVII до начала XIX в., т. е. до первых работ, положивших надежное основание сравнительно-историческому языкознанию, довольно обычны сравнения балтийских фактов с соответствующими фактами греческого, латинского, немецкого, славянского и т. п. Эта наглядность связей (в сочетании с тем обстоятельством, что Б. я. известны по памятникам с очень позднего времени) может свидетельствовать или об особой архаичности Б. я., или об их преимущественной близости к исходному индоевропейскому состоянию, или о том и другом одновременно. Б. я. существенно превосходят все другие индоевропейские языки на их современной стадии развития своим архаичным обликом и верностью исходному индоевропейскому типу в ряде важных особенностей (слоговая структура слова, просодические и морфонологические особенности, структура именных и глагольных категорий, флексия, синтаксические структуры, словарь). Б. я. развили значительное число инноваций, но при этом многие из этих инноваций представляют собой органическое и естественное продолжение старого состояния, избегающее резких разрывов и радикальных перестроек, и, кроме того, в значительной степени сохраняются очертания старого каркаса индоевропейского типа. «Старое» в Б. я. не просто «сохраняется» как реликт, доживая свой затянувшийся век, но искусно включается в новые схемы, предназначенные для решения новых задач. Это заново осуществляемое «обживание» языковой архаики является тайным нервом Б. я. и придает им черты особого гармонического равновесия. Вместе с тем в настоящее время есть серьезные основания говорить не только об архаичности Б. я., но и о возможной их особой близости (по крайней мере в существенных фрагментах) к реконструируемому индоевропейскому состоянию. Если раньше этот второй аспект не привлекал к себе внимания исследователей, то причиной этому был преимущественный интерес к наиболее древним и богатым письменными памятниками языкам (древнеиндийский, древнеиранский, древнегреческий, латинский, готский и т. п.), на основе которых и складывалось представление об индоевропейском источнике их

(«праязыке»). Новые открытия и сопровождавшая их ревизия взглядов создали новую ситуацию, оказавшуюся благоприятной для уяснения возможностей нового понимания роли Б.я. в их отношении к индоевропейскому исходному состоянию. В результате в настоящее время складывается новая гипотеза о балтийском языковом типе как некоем «последнем» остатке индоевропейского целого, не столько «отпочковавшемся» от него (подобно другим группам языков), сколько именно «оставшемся» и лишь переосмысленном (после ряда изменений) как балтийский тип. Гипотеза о преимущественной близости Б.я. в наиболее глубокой реконструкции к определенному срезу в развитии индоевропейского языка в некоем локусе в более или менее надежно определяемый период, видимо, имеет под собой ряд важных оснований. Среди этих оснований: 1) высокая степень близости многих фрагментов балтийского языкового типа к соответствующим блокам «индоевропейского» состояния, как оно восстанавливается в последнее время с учетом ряда новых материалов (анатолийские языки и др.) и идей (в частности, связанных с типологией диахронических процессов); 2) особенности балтийской гидронимии, которая наиболее точно и полно воспроизводит архаичную «центральноевропейскую» гидронимию (около II — начало I тыс. до н. э.); 3) огромность пространства, на котором отмечается присутствие гидронимии балтийского типа, как по отношению к пространству, занимаемому балтами в историческое время, так и по отношению к ареалам других индоевропейских групп (ареалы на востоке и юго-востоке вплоть до Верхней Волги и Поочья, до впадения Москвы, а частично и до нижнего течения Оки, до бассейна Сейма; на юге — до Волыни и Киевщины; на западе — «балтоидный» пояс вплоть до Шлезвига и Гольштейна и т. п.); эта обширность пространства находится в противоречии с малочисленностью балтов в историческое время; 4) обилие парадоксов, связанных с пространственно-временными рамками существования Б.я., с их промежуточным статусом, с отношениями родства и преемства (предки — потомки); такая сгущенность парадоксов указывает, как правило, на необычность ситуации и чаще всего объясняется выдвиганием кардинально новых гипотез.

С самых первых исследований происхождения Б.я. и до настоящего времени существует (за редкими исключениями) единая точка зрения о преимущественной близости Б.я. к славянским, далее — к германским. Иногда она оформлялась как особая концепция — ср. давнее понимание Б.я. как результата смешения славянских, германских и финских (И. Тунман) или идею германо-балто-славянского промежуточного праязыка (А. Шлейхер). Но в целом такие случаи относятся к числу исключений. После исследования А. Лескина (1876) вопрос о германо-балто-славянском утратил актуальность, и внимание было сосредоточено на схождениях балтийских и славянских языков. Как бы

ни толковались они в дальнейшем, практически все признавали не только преимущественную близость балтийских и славянских языков, но и очень высокую степень их конгруэнтности (правда, иногда ослабляемую тем, что ряд совпадений не носил эксклюзивного балто-славянского характера). В XX в. (начиная с Н. Йокля) была отмечена значительная близость Б. я. с древними (неклассическими) языками северных Балкан — фракийским и иллирийским (отметим, что уже в начале XIX в. Р. Раск говорил о том, что Б. я. ближе других к «фракийскому», под которым, однако, он понимал нечто иное по сравнению с тем, что связывают с фракийским сейчас) и единственным их продолжателем в настоящее время — албанским языком. Следы носителей фракийской и иллирийской речи засвидетельствованы также существенно далее к северу и северо-востоку (ср. признаки их пребывания на Карпатах и в областях к востоку от них — Правобережная Украина — и даже в Польше, по Висле). Преимущественные связи Б. я. со славянскими, германскими и языками фракийско-иллирийского типа обладают значительной объективной ценностью. Они не только вскрывают состав «совпадающих» языковых элементов, но и позволяют с относительной точностью определить «балтийский» ареал в эпоху этих связей (II—I тыс. до н. э.) и отчасти позже, вплоть до начала исторического времени в этой части Европы. Правомерно заключение, согласно которому соседями балтов с юга были племена фракийско-иллирийского типа, а с запада — германцы; также очень вероятно, что к юго-востоку от балтов сидели иранские племена. Тем самым балты занимали промежуточное место между «восточными» индоевропейскими племенами (иранцы) и «западноевропейскими» индоевропейцами (германцы). Эта промежуточность проявляется и в Б. я., ср., с одной стороны, круг явлений, так или иначе связывающих Б. я. с языками типа сатем (хотя и не вполне последовательно), а с другой стороны, вхождение балтийской гидронимии в круг «центральноевропейской».

Непосредственные контакты балтов с иранцами имели место в Посемье, где среди довольно многочисленных балтийских гидронимов отмечено десятка полтора иранских названий, причем в ряде случаев иранские гидронимы калькируются с помощью балтийского (а иногда и славянского) материала, ср. комплекс *Ропша — Лопанка — Лисичка*, где каждое из названий скрывает в себе название лисы, соответственно на иранском, балтийском и славянском. Возможно, именно таким контактным зонам обязаны своим происхождением балто-иранские лексические параллели, относящиеся к обозначению злаков (литов. *mižis*, латыш. *mīzis* 'ячмень' при иран. *maiz-*; литов. *dūona* 'хлеб' при иран. *dānā-*; литов. *javaĩ* 'хлеб в зерне' при авест. *yava-* и т. п.), продуктов молочного хозяйства (литов. *svīestas* 'масло' при авест. *xšvid-* 'молоко' и др.) и некоторых других сфер (ср., например, голубиную терминологию).